

Б.О. Бабкин, М.Л. Бершадская

Воеслав Моле и Юрий Верховский. Двойной портрет на фоне Гражданской войны

B.O. Babkin, M.L. Bershadskaya

Voeslav Mole and Yuri Verkhovsky. Double portrait on the background of the Civil War

Статья посвящена дружеским и творческим контактам словенского искусствоведа, поэта и эссеиста Воеслава Моле (1886–1973) и видного русского поэта, литературоведа и переводчика Юрия Верховского (1878–1956). В 1914 г. призванный в австрийскую армию Моле попал в плен и почти шесть лет провел в Сибири. В 1919 г. в Томске он познакомился с Верховским, который перевел несколько его стихотворений и опубликовал их в своем сборнике «Солнце в заточении» (1922). «Другу — поэту Юрию Ник. Верховскому» посвящено одно из стихотворений сборника Моле — «Tristia ex Siberia» (1922).

Ключевые слова: Первая мировая война, военнопленные, Гражданская война в Сибири, филологический факультет Томского университета, поэзия, символизм, неоклассицизм, перевод.

The article focuses on the friendly and creative relations between the Slovenian art historian, poet and essayist Vojeslav Mole (1886–1973) and the Russian prominent poet, interpreter, literary historian and theorist Yuriy Verhovskiy (1878–1956). Being recruited to army in 1914 Mole got captured almost at once and spent practically six years in Siberia. In 1919 in Tomsk he met Verhovskiy, who translated several of his poems and published them in his book «Sun in captivity» (1922). One of the Mole's poems in «Tristia ex Siberia» (1922) is devoted «To the friend — poet Yuriy Nik. Verhovskiy».

Keywords: The First World War, prisoners of war, civil war in Siberia, Philological faculty of Tomsk University, poetry, symbolism, neoclassicism, poetic translations.

*Так принимал ты посох дорожный, о вечный скиталец,
 Ныне на темной земле осени хмурый поэт.*

Ю. Верховский

Уже более двадцати лет судьбы словенцев, оказавшихся в период Первой мировой войны в России, привлекают внимание словенских и русских исследователей¹. В последние годы участился интерес ученых к тем представителям словенской культуры, для которых пребывание в России оказалось в значительной степени судьбоносным, определило характер их творчества. Так Т.И. Чепелевская в работе «Павел Голия в России (1914–1917)»² написала о судьбе поэта, драматурга и переводчика, много лет руководившего Словенским драматическим театром. Один из авторов данной статьи в свое время также писал о жизни и творчестве Голия³ и поэтому в полной мере может оценить всю трудоёмкость предпринятой исследовательницей работы. Чепелевская использовала самые разные источники: материалы газет и журналов, документы из личного архива писателя, хранящиеся в рукописном отде-

¹ См.: Švajncer J. *Vojna in vojaška zgodovina Slovencev*. Ljubljana, 1992; Švajncer J. *Svetovna vojna 1914–1918. Slovenci v avstro-ogrski armadi*. Maribor, 1988; Svobljak P. *Prva svetovna vojna in Slovenci*. Opis slovenske zgodovinske, publicistične in spominske literature o prvi svetovni vojni // *Zgodovinski časopis*, 47/1993. S. 263–287; Luthar O. *O žalosti niti besede. Uvod v kulturno zgodovino velike vojne*. Ljubljana, 2000; Новак-Попова И. «Забытые» словенские свидетельства о Великой войне // *Первая мировая война в литературах и культуре западных и южных славян*. М., 2004. С. 312; Slovenica III. *Первая мировая война в политике и культуре русских и словенцев. К столетию начала Первой мировой войны*. М., 2014; Бершадская М.Л. Веточка с могилы Льва Толстого // *Российская газета*. № 51. 12.03.2015. С. 5; Она же. *Россия периода Первой мировой войны в дневниках и воспоминаниях словенских военнопленных* // *Stephanos*. 2017. № 1(21) С. 201–210; Она же. *Первая мировая война и гражданская война в России в творчестве В. Моле* // *Седьмые и восьмые Андреевские чтения. Славянские литературы и литературные взаимосвязи. Сборник статей по материалам XLIV и XLV Международных научных конференций*. СПб., 2016. С. 22–27.

² Чепелевская Т.И. *Павел Голия в России (1914–1917)* // *Slovenica*. СПб, 2011. Вып. 1. Исторические основы и перспективы российско-словенских отношений. С. 145–154.

³ Бершадская М.Л. *Словенский театр 1918–1941 гг. и русская культура* // *Русская литература и зарубежное искусство. Сборник исследований и материалов*. Л., 1986. С. 189–215.

ле Национальной университетской библиотеки в Любляне, а также документы, касающиеся литовского поэта Ю. Балтрушайтиса, друга Голия, который ввел его во МХАТ. На основе этого архивного материала исследовательница убедительно доказала, что «знакомство с Ю. Балтрушайтисом, несомненно, помогло молодому словенскому поэту не только ощутить атмосферу литературной Москвы (литературных вечеров, встреч, дискуссий о новых направлениях и интенциях в литературе и искусстве), но и узнать многое о развитии самого театрального дела. А беседы с Ю. Балтрушайтисом, посвященные созданию нового репертуара нового театра новой России, не могли не давать пищу для размышлений о будущей работе у себя на родине»⁴.

О Павле Голия, а также Иосипе Видмаре (1895–1992), выдающемся словенском теоретике, критике, переводчике, президенте Словенской академии наук и искусств (1952–1976) и известном театральном режиссере О. Шесте говорится в статье К.Я. Козака «Контрапункт преданности и презрения: русские актеры в Словении в межвоенный период». «Всех этих выдающихся деятелей словенской культуры объединяет одно: будучи призванными в австрийскую армию, они — как и многие другие словенцы — не захотели воевать со своими славянскими братьями и добровольно перешли на сторону русских. Для тех кто сумел дезертировать, это означало несколько относительно спокойных лет, которые они — по крайней мере те, о ком идёт речь в нашей статье, — пишет К.Я. Козак — посвятили изучению языка, работе в библиотеках, сотрудничеству в сфере иностранного искусства и, прежде всего, знакомству с русской литературой и мировыми литературными именами»⁵.

Однако не ко всем словенским военнопленным судьба была столь же благосклонна, как к Голия, Видмару и Шесту. Среди тех, кто в полной мере испытал все тяготы пребывания в плену, был искусствовед, поэт, прозаик и переводчик Воеслав Моле.

⁴ *Чепелевская Т.И.* Павел Голия в России (1914–1917). С. 150.

⁵ *Козак В.Я.* Контрапункт преданности и презрения: русские актеры в Словении в межвоенный период // *Slovenica II.* Славенский межкультурный диалог в понимании русских и словенцев. М., 2011. С. 285.

Моле родился в 1886 г. в маленьком, но очень живописном городке Канал. Литературой увлекся еще на гимназической скамье. Его первые стихотворные и прозаические опыты были опубликованы в журнале «Omladina» («Омладина», «Молодежь»), издававшемся обучавшимися в Вене словенскими студентами, и на страницах журнала «Ljubljanski zvon» («Люблянски звон», «Люблянский колокол»).

В 1906 г., окончив гимназию, Моле поступил в Венский университет. В 1907–1908 гг. отслужил в австрийской армии, после чего продолжил образование в Кракове и Риме. В 1910 г. вернулся в Вену, где изучал историю искусств и археологию. В 1912 г. защитил диссертацию и получил стипендию для годичной стажировки в Италии. Вернувшись из Италии, работал в бюро по охране памятников в г. Сплит.

В годы учебы он активно занимался литературой, публиковался в газетах и журналах, а в 1910 г. вышел его первый авторский сборник «Когда цвели розы», отмеченный ощутимым влиянием французского символизма и итальянского неоклассицизма⁶. Сборник, посвященный польской студентке Эле Брумер, с которой поэт познакомился во время учебы в Кракове, носит исповедально-любовный характер. Лирический сюжет сборника раскрывается как история первой встречи с возлюбленной, тоски по ней на чужбине, переживания счастья и грусти любви. В «Эпilogue» поэт возвеличивает это чувство, перед которым бессильна даже смерть.

Будучи широко образованным и эрудированным автором, Моле стремился максимально использовать ассоциативные возможности слова, обращаясь к мотивам и образам разных культур, в первую очередь, к античным истокам и античной мифологии. В его стихах фигурируют нимфы, фавны, грации, Купидон, Пан, Леда, вакханки и окружающая этих персонажей природа с ее красотой и гармонией. Чаще всего живописным фоном служат южные пейзажи с аллеями кипарисов и платанов, полями цветущих маков и тюльпанов, освещенных солнцем или зыбким светом луны. «Стиль всех стихов сборни-

⁶ Mahnič J. Obdobje moderne. Zgodovina slovenskega slovstva. V. Ljubljana, 1964. S. 212.

ка является подчеркнуто высоким. В них снова и снова возникают любимые поэтом цвета: багряный, серебряный, золотой и снежно-белый. Часто используются авторские составные прилагательные: чудодальный, чудотайный, чудотаинственный, чудотихий, солнечносный, солнечнотихий, осенненемой»⁷, — пишет словенская исследовательница Я. Житник в обширном исследовании о творчестве Моле.

Следует отметить, что одной из характерных особенностей раннего творчества Моле было стремление соединить в одном произведении живопись или архитектуру с поэтическим словом, дать вербальную репрезентацию визуального образа. В сборнике «Когда цвели розы» мы встречаем описание трех произведений великих итальянских художников: «Аполлона и Марсия» Рафаэля, «Моны Лизы» Леонардо и «Любви небесной и любви земной» Тициана. Экфрасис занимает значительное место в творчестве Моле и используется поэтом, как для непосредственного описания визуального артефакта, так и для передачи его собственного состояния, собственных взглядов и эмоций⁸.

Мир в поэзии Моле предстает во всем многообразии красоты, молодости и радости бытия, при этом поэт совершенно не интересуется общественной стороной жизни. По его мнению, «искусство имеет только одну задачу — эстетическое воздействие, основанное на совершенстве формы»⁹. Это сказывается на поэтической технике сборника — форма у Моле крайне культивирована. Он часто употребляет стансы, сонеты и терцины, отнюдь не пользовавшиеся популярностью в словенской поэтической культуре 1910-х годов и в большей мере характерные для парнасцев и символистов. Почерпнув у символистов веру в особое значение ритма, музыкальности стиха, «Моле часто оказывается в ситуации, когда главная мысль, главная идея

⁷ Žitnik J. Vojeslav Mole: Ob stodeseti obletnici rojstva // Dve domovini. 1996. Št. 7. S. 174.

⁸ Подробнее об этом см.: *Simonšek R. Vojeslav Mole kot pesnik ekfraise // ARS & HUMANITAS. XVI. Ekfrazis. Exphrasis. Ljubljana, 2017.*

⁹ *Zdravec F. Zgodovina slovenskega slovstva. V: Nova romantika in mejni obliki realizma. Maribor, 1970. S. 59.*

полностью подчиняется диктату формы, чаще всего — музыкальности стиха. Моле и сам признавал, что некоторые строки у него “звенят” так, что поэтическая мысль становится жертвой музыки»¹⁰.

Однако полностью отгородиться от реальной жизни даже такой поборник чистого искусства, как Моле, не смог. «В таких произведениях сборника, как “День перед битвой” или “Возвращение побежденного войска” Моле, столь преданный темам любви, красоты и искусства, оказался первым среди словенских лириков, в чьем творчестве проявились мотивы приближающейся мировой катастрофы»¹¹.

Напророченная Моле война четыре года спустя настигла его в Сплите. Он был молод, полон сил и творческих планов. Ожидал приезда невесты — в сентябре должна была состояться свадьба. Но 1 августа 1914 г. Моле призвали в австрийскую армию. А спустя всего месяц после мобилизации 2 сентября в бою на люблинском направлении он был ранен и взят в плен русскими войсками.

Из люблинского лазарета его отправили в Москву, а оттуда — эшелонам в Сибирь. Так началась сибирская одиссея поэта. За годы, проведенные в Сибири (около шести лет), он побывал как в крупных сибирских городах (Новониколаевске, ныне Новосибирске, Барнауле, Томске, Омске, Тюмени, Красноярске, Иркутске), так и в захолустном городке Тара, а зиму 1915 г. провел в деревне Борки под Томском.

Условия жизни в большинстве случаев были крайне тяжелыми. Пленных содержали в лагерях, где царила скученность, антисанитария и холод. О скудном, однообразном питании и говорить не приходится. Эпидемии в таких условиях являлись обычным делом: сыпной тиф выкашивал пленных тысячами. Угнетали пленных не только отвратительные бытовые условия, но и невозможность хотя бы на короткое время оказаться в одиночестве, выйти за стены лагеря без особого разрешения

¹⁰ Bole D. Vojoslav Mole: Ko so cvele rože. http://slo.slohost.net/cgi-bin/stran.pl?id=6&iziris=izpisiNovico&st_pod=7&jezik=slo&templ=1.

¹¹ *Slodnjak A.* Slovensko slovstvo. Ob tisočletnici Brižinskih spomenikov. Ljubljana, 1968. S. 354–355.

начальства и без следующего по пятам конвоира. Письма из родных краев приходили крайне редко или не приходили вовсе. Помимо бытовых неудобств и ощущения несвободы жизнь в лагере отравляли многочисленные национальные и политические конфликты.

Некоторые пленные, не выдержав тягот лагерного существования, сходили с ума или кончали жизнь самоубийством. Для самого Моле, временами находившегося на грани отчаяния, спасительным оказалось его решение вступить в 1-й Югославянский добровольческий полк, дислоцировавшийся в Томске. В обязанности Моле входило просвещение личного состава полка и чтение лекций, поэтому ему выдали официальное направление в библиотеку Томского университета. Там он познакомился с преподавателями историко-филологического факультета П.Г. Любомировым, М.М. Хвостовым, С.И. Гесенем, Б.А. Кржевским и сразу нашел с ними общий язык. «В плену, — написал Моле в мемуарах “Из книги воспоминаний”, — я имел возможность поближе узнать только русских солдат [...]. В Томске я сблизился с живыми людьми без мундира. Конечно, это было избранное общество — интеллигенция [...] я встретил их и узнал в исключительных условиях, во время войны и революции, когда всем им было тяжело, их дни заполняла борьба за существование, за хлеб насущный. И все же это была настоящая жизнь ... Собирались мы чаще всего у Гвоздева¹², петроградского профессора западноевропейских литератур [...]. Он был хорошим знатоком музыки, сам играл на скрипке и рояле. Когда я впервые был у него [...], я почувствовал себя так, как давно этого не случалось. Я почти забыл, что нахожусь в Сибири — был очарован, когда за музыкой Глазунова последовала оживленная беседа. Разговор этот пробуждал воспоминания и, в то же время, давал почувствовать огромное противоречие между миром этих интеллектуалов и реальной ситуацией там, за окнами, где все еще раздавался крик: “Долой грамотных!”»¹³

¹² Имеется в виду Алексей Александрович Гвоздев (1887–1939).

¹³ *Mole V. Iz knjige spominov.* Ljubljana, 1970. S. 249–250.

За стенами гвоздевской квартиры действительно было неспокойно. То и дело по ночам раздавались выстрелы и невозможно было понять, кто стреляет: то ли солдаты Колчака, охотящиеся за членами подпольного ревкома большевиков, то ли эсеры, не желающие признавать власть Верховного правителя России, то ли обыкновенные бандиты. Днем на улицах Томска можно было встретить представителей войск Антанты или американского Красного креста, солдат чехословацкого корпуса.

Моле трудно было разобраться в этой круговерти событий, для него главное, что он свободен (хотя бы относительно!) и может вернуться к творчеству. В лагере он почти не писал стихов, большинство стихотворений сибирского цикла датируются 1919 — началом 1920 г. — временем его службы в полку. В лице русских друзей поэт нашел благодарных слушателей и ценителей его творчества, один из них, Юрий Никандрович Верховский, перевел несколько стихотворений Моле на русский язык.

Верховский родился в 1878 г. в селе Гришнево Смоленской губернии в отцовском имении Щелканово. В 1898 г. поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета. В 1899 г. его стихотворения появились на страницах «Вестника Европы». В 1902 г. Верховский защитил кандидатскую работу по вульгарно-латинской поэзии, которую писал под руководством А.Н. Веселовского, и по окончании курса был оставлен им при университете для продолжения академической карьеры. В этот период Верховский принимал активное участие в работе Неофилологического общества, которое было своего рода трибуной передовых идей Веселовского. Список участников насчитывал порядка 300 человек, среди них — будущий академик В.М. Жирмунский, а также И.Ф. Анненский и Д.С. Мережковский — ярчайшие представители Серебряного века. С ними Верховского связывали хорошие приятельские отношения.

В 1904 г. Верховский вместе с М.А. Кузминым принял участие в издании «Зеленого сборника», объединившего под своей обложкой шесть авторов. Блок в своей рецензии выделил из них Верховского как «умеющего разнообразить размеры и владеющего стихом лучше всех»¹⁴. Личное знакомство с Блоком,

¹⁴ Блок А.А. Зеленый сборник [рец.] // Вопросы жизни. 1905. С. 218.

включившим впоследствии Верховского в список своих «добрых приятелей»¹⁵, состоялось годом позже.

Результатом «Зеленого сборника» стало приглашение начинающего автора к сотрудничеству в один из ведущих символистских журналов — «Весы», где в 1906 г. вышла подборка стихов Верховского, а также написанный им некролог памяти академика Веселовского¹⁶. В 1908 г. увидел свет первый авторский сборник поэта «Разные стихотворения». Второй сборник — «Идиллии и элегии» — увидел свет спустя два года.

Отношение к литературному творчеству Верховского со стороны современников в этот период оставалось двояким: в нем одновременно видели «прилежного библиофила»¹⁷, «поэта-реставратора»¹⁸, изысканного стилизатора, чья «лира сама собой подстраивается на несколько старомодный лад»¹⁹, и в то же время ставили «в упрек [...] его подражание манере письма поэтов пушкинской эпохи, приводящее его, в конце концов, к подражанию Бенедиктову»²⁰. Кроме того, Верховского упрекали в подражании «“старшим богатырям” символизма»²¹. Доставалось ему и за «чуждые» модернистские опыты²², и за следование моде «Аполлона» — одного из ведущих символистских журналов — моде, по выражению Городецкого, «на ужимки, парики, мантии и тоги и вообще на все, что давно уже погребено жизнью»²³.

¹⁵ Блок А.А. Записные книжки. М., 2000. С. 309.

¹⁶ Весы. М., 1906. № 12. С. 13–20; 43–45.

¹⁷ Ауслендер С.А. Новые книги // Речь. 1910. № 320. С. 3.

¹⁸ Гиттис В.В. Юрий Верховский. Идиллии и Элегии // Новая жизнь. 1911. № 4. С. 259.

¹⁹ Ауслендер С.А. Указ. соч.

²⁰ Гумилёв Н.С. Ив. Бунин... Ю. Верховский [и др.] // Полное собрание сочинений. В 10 т.: М., 2006. Т. 7. Статьи о литературе и искусстве. Обзоры. Рецензии. С. 78.

²¹ Иванов-Разумник Р.В. Старинное (Поэзия Ю. Верховского) // Заветы. 1914. № 2. С. 48.

²² О «чуждости» Верховского модернизму см.: Соловьёв С.М. Б. Садовский [и др.] // Весы. 1909. № 3. С. 88–91.

²³ Городецкий С.М. Под маской жеманности / Известия книжных магазинов М.О. Вольфа по наукам, литературе и библиографии // Вестник литературы. 1910. № 10. С. 309.

С 1911 по 1915 г. Верховский состоял профессором по кафедре Всеобщей литературы на Высших женских курсах в Тбилиси, печатался в газете «Кавказское слово», однако все еще продолжал появляться в петербургской и московской печати: знаковый 1914 г. был отмечен обширной публикацией в «Русской мысли» цикла элегических дистихов в духе античной антологии под общим заглавием «Сельские эпиграммы».

В 1916 г. поэт успешно сдал магистерский экзамен в петроградском университете. О дальнейших событиях в жизни Верховского сегодня известны лишь самые общие сведения. В письмах М.О. Гершензону Верховский рассказывал своему другу о трудностях материального порядка, о том, как успел защититься и прочитать пробные лекции «еще перед бурей», что устроиться в Петрограде не представляется возможным, и о том, что свои надежды поправить дела он связывает с провинцией.

Провинцией, приютившей Верховского на целых три года, стала Пермь. Только открывшийся на тот момент Пермский университет в первый год существования еще имел статус филиала Петроградского университета. Однако возлагаемые на Пермь ожидания не оправдались: общая неустроенность жизни, аресты преподавательского состава и голод едва ли способствовали научной и творческой практике.

О тяжелых условиях быта в большевистской Перми в полной мере свидетельствуют воспоминания знакомого Верховскому профессора Пермского университета Н.В. Устрялова: «Продовольственное положение ухудшается с каждым днем, и трудно, — впрочем, вернее, нетрудно предвидеть, куда мы идем»²⁴. Несмотря ни на что, интеллигенция не теряла присутствия хотя и трагической, но всё-таки бодрости духа: «Так вот и живешь: от государственного права к милой конине, от конины к Ленину и т.д. От Ленина, впрочем, опять к конине, муке и картошке [...] O tempora!»²⁵.

Оторванность от Москвы и Петрограда угнетала едва ли не в большей мере, чем непрерывная забота о хлебе насущном.

²⁴ Устрялов Н.В. Былое — Революция 1917 г. (1890-е — 1919 гг.): Воспоминания и дневниковые записи. М., 2000. С. 187.

²⁵ Там же. С. 192.

Верховскому, горячо привязанному к друзьям и коллегам по символистскому цеху, это испытание давалось с трудом.

24 декабря 1918 г. Сибирская армия Колчака вошла в Пермь. Город радостно встречал освободителей: «Светлый праздник. Был на улицах, в университете. Везде радуются. Освобождение, большевиков нет, все окончательно изгнаны»²⁶. Однако уже в июне 1919 г. Красная армия перешла в контрнаступление, фронт рухнул, и под угрозой взятия Перми началась эвакуация университета в белый тыл — Томск.

Здесь, в Томске, Верховский и познакомился с Моле. У них было много общего. Для мировоззренческой и эстетической позиции обоих авторов характерен определенный культуроцентризм, в их произведениях элементы символизма сочетаются с неоклассицизмом. Оба совмещают научную и критическую деятельность с поэтическим творчеством. Все это, а также личное обаяние Верховского, о котором писали все знавшие поэта, способствовало их сближению. Вот как описал Моле встречу с русским коллегой: «Среди гостей Гвоздева как-то вечером появился русский поэт Юрий Верховский, во всех отношениях очень интересный и оригинальный человек — высокий, с бородой и обликом Тургенева, очень близорукий. Он был профессором русской словесности в университете в Перми, но вынужден был вместе с другими коллегами спешно покинуть город; власти не дали им даже времени взять все необходимое. Остальные нашли какой-то выход из положения, а Верховский, по натуре слишком рассеянный, не сумел своевременно и быстро сделать, что нужно, и даже забыл на письменном столе очки, и это оказалось для него настоящей катастрофой.

Как поэт, Верховский был символист — утонченный, нежный, ощущающий во всём истинную красоту и глубину мысли и чувства. Иногда он нам читал или декламировал стихи современных русских поэтов — Александра Блока, Валерия Брюсова, Максимилиана Волошина, Андрея Белого и др., а также свои стихи, а к концу моего пребывания в Томске — и переводы моих стихов, которые позднее напечатал в сборнике «Солнце в заточении»²⁷.

²⁶ Устрялов Н.В. Указ. соч. С. 211.

²⁷ Mole V. Op. cit. S. 251.

Воспоминания Моле о встрече с Верховским интересны еще и тем, что они проливают свет на некоторые факты, неизвестные биографам русского поэта.

О том, что происходило в жизни Верховского с июля 1919 г. по апрель 1920 г., то есть вплоть до того, как и Томск, вслед за Пермью, перешел под контроль советской власти, до недавних пор можно было судить лишь по нескольким беглым абзацам из его автобиографии. Вот сведения, которые сообщает сам Верховский в первом, датированном 1926 г., варианте: «Избранный весной (1918 г. — *Б. Б.*) профессором Пермского университета по кафедре новой русской литературы я состоял им три года (1918–1921), из которых один (1919–1920) пробыл в Томске, вследствие эвакуации туда Пермского университета»²⁸.

Во втором варианте, датированном 1944 г., память Верховского оказывается избирательной, в ней уже не находится места для Томска: «Избранный весной [1918 г. — *Б. Б.*] профессором Пермского университета по кафедре новой русской литературы, состоял им 3 года (1918–1921). В 1921 году возвратился в Петроград»²⁹.

Для того, чтобы лучше понять причину, по которой Верховский в 1944 г. предпочел не вспоминать о восьми месяцах своей жизни в белом тылу, следует вновь обратиться к мемуарам Моле. «Хотелось бы мне знать, — писал он, — какова дальнейшая судьба Верховского. Знаю только, что большевики, взявшие власть в Томске, привлекли его к суду из-за короткого стихотворения, которое он должен был написать и опубликовать в “Сибирской жизни” по приказу властей Колчака, и осудили его на “презрение трудового народа”. Приговор был крайне мягким, возможно, они знали, что он был несуразным и наивным как в жизни, так и в политике»³⁰.

Что в действительности стоит за приговором, о котором вспоминал Моле, сейчас судить трудно. С одной стороны, «мягкость» приговора могла объясняться характером стихотворных текстов, хотя и опубликованных на страницах антибольше-

²⁸ *Верховский Ю.Н.* Струны. Собр. соч. СПб., 2008. С. 506.

²⁹ Там же. С. 736–737.

³⁰ *Mole V.* Op. cit. S. 251.

вистской «Сибирской жизни», но лишенных идеологического пафоса, — с другой, — несуразность Верховского, его бескорыстие и простота были действительно известны многим, в том числе и Вячеславу Менжинскому, с которым Верховский познакомился еще в начале 1900-х годов, когда они оба, будучи начинающими литераторами, вместе пробовали свои силы на литературном поприще. Менжинский был одним из шести авторов, опубликованных в упоминавшемся нами ранее «Зеленом сборнике». «Зеленый сборник» больше не издавался. Все же представляется, что знакомство с Менжинским не прекратилось, и этот вопрос заслуживает дальнейшего изучения. Во время суда над Верховским Менжинский был особоуполномоченным Особого отдела ВЧК, а в 1928 г. стал преемником Ф.Э. Дзержинского на посту председателя ОГПУ.

С Томском — помимо знакомства с Верховским — связано еще одно, очень важное для Моле событие. Убедившись в высоких профессиональных знаниях словенского искусствоведа, русские коллеги предложили ему преподавать историю искусств и выступить с докладом, который даст ему право на получение звания доцента, поскольку документов о защите в Венском университете у него с собой нет. Моле с радостью откликнулся на это предложение, посвятив свое выступление венецианской живописи XVI столетия. Ученый совет факультета единогласно признал работу успешной и присудил докладчику звание доцента по истории западноевропейского искусства. Уникален сам факт защиты диссертации без предварительного сбора документов, без публикации научного труда, в условиях Сибири, охваченной пламенем Гражданской войны. Он является ярким подтверждением единения гуманитариев разных стран, понимающих, что в условиях войн и революций миссия интеллигенции заключается в том, чтобы сохранить накопленные человечеством знания и культуру — духовную преемственность бытия. Постановление Ученого совета было направлено министру просвещения в Омск, но ответа на это письмо Моле не дождался, так как вынужден был отправиться в Нижнеудинск, куда был передислоцирован полк. Из Нижнеудинска Моле перебрался в Иркутск, где

встретил Новый 1920 год и стал свидетелем эсеровского переворота, ликвидировавшего власть адмирала Колчака.

Сибирские скитания Моле закончились 26 февраля 1920 г., когда американский транспортный корабль Шеридан, на борту которого находился Моле, покинул Владивостокскую гавань.

Сборник «*Tristia ex Siberia*» вышел вскоре после возвращения поэта на родину и представляет собою лирический дневник, запечатлевший пребывание поэта в Сибири и его путешествие в Триест через Японию, Филиппинские острова, Сингапур и Аден. Как и в первом сборнике, во втором — семьдесят два стихотворения и, так же как первый сборник, он посвящен Эле, ставшей его женой. Тоска поэта по родным и близким людям, мечта о возвращении на родину является основной темой книги. Многие стихотворения говорят о неисчислимых потерях и страданиях, которые принесла с собой война.

Важную роль играют описания природы тех мест, куда поэта забросила судьба. Он восхищается красотой застывшего под снегом Байкала, «шумом речных неспешных вод» Енисея. Уже в первой пейзажной зарисовке мы встречаем метафорические образы, которые лежат в основе изобразительной системы «сибирского» раздела сборника: зима—снег—холод—лед—вихрь—метель—мрак—смерть—ворон—могила—ночь. Снежная метель символизирует у Моле восставшую, разбушевавшуюся народную стихию. Особенно ярко это проявляется в стихотворении «В тайге», где на фоне разбушевавшейся метели нападающие останавливают поезд. «Кроваво шутит русская свобода»³¹, — завершает это стихотворение Моле, прекрасно знающий, что остановка поезда (отрядом белочехов, семеновцев или просто шайкой бандитов) означает для пассажиров верную смерть от холода, голода или от пули вооруженных мародеров. С наибольшей определенностью свое отношение к революции Моле высказал в стихотворении «Свобода». По его мнению, время Прометеев уже миновало, происходящее объясняется тем, что раб похитил с небес искру огня и швырнул ее в мир, и теперь мир охвачен пламенем пожаров. Мрачной «сибирской» части

³¹ *Mole V. Tristia ex Siberia*. Ljubljana, 1920. S. 77.

сборника противостоит его вторая часть «На океане», проникнутая восхищением экзотической природой и радостью предстоящего свидания с родиной и возлюбленной.

Реакция критики на сборник Моле оказалась в основном негативной. Тон задал редактор журнала «Ljubljanski zvon» Й. Глонар. Назвав поэзию Моле «приятным бречанием», критик завершил рецензию следующей тирадой: «Тем, кто безусловно отдается “бесконечной мелодии”, звучащей в стихах Моле, для кого стихотворение — это всего-навсего некая акустическая мозаика, составленная из отдельных звуков и чувств, мало связанных между собой, тем сборник Моле понравится. Другим же захочется, чтобы Моле с его мастерством занялся чем-то большим, например, перевел на словенский язык “Пана Тадеуша”»³². Только один критик выступил в защиту Моле. Это был искусствовед Ф. Стеле³³, вместе с которым Моле учился в Вене и с которым дважды встречался в Сибири, поскольку Стеле тоже был военнопленным. Однако поддержка Стеле не повлияла на твердое решение Моле отказаться от литературного творчества и посвятить себя научной деятельности.

В 1920 г. Моле стал доцентом, а в 1924 — профессором Люблянского университета. Осенью 1925 г. он вместе с семьей переселился в Краков, где с 1926 г. руководил кафедрой истории искусств славянских народов в Ягеллонском университете. В научных работах он уделял очень большое внимание связям в сфере искусства между славянскими народами, опубликовал монографии о русском искусстве³⁴ и искусстве южнославянских народов³⁵, теоретический труд об искусстве³⁶. Многие сделал Моле и для того, чтобы познакомить поляков со словенской литературой и искусством, а словенцев — с польской культурой. Помимо этого он выступал в печати с критическими статьями

³² *Glomar J. Mole Vojeslav. Tristia ex Siberia. Ljubljana, 1920 // Ljubljanski zvon. 1. 1921. Letnik XLL. S. 57.*

³³ *Stele F. Mole Vojeslav. Tristia ex Siberia. Ljubljana, 1920 // Dom in svet. 1921. XXXIV. 1–2. S. 54–56.*

³⁴ *Mole V. Ruska umetnost do leta 1914. Ljubljana, 1957 (на польск. языке — 1955).*

³⁵ *Mole V. Umetnost južnih Slovanov. Ljubljana, 1965 (на польск. языке — 1965).*

³⁶ *Mole V. Umetnost, njeno obličje in izraz. Ljubljana, 1941.*

и переводами. Переводил польских романтиков, а также Бодлера и Ибсена. В 1947 г. Моле стал академиком Польской академии искусств в Кракове, в 1961 г. — членом-корреспондентом Словенской академии наук и искусств.

Вся жизнь Моле была наполнена скитаниями, которые не прекратились и после переезда в Краков. В 1939 г., после нападения фашистов на Польшу, Моле оказался во Львове, откуда перебрался в Любляну, где оставался до конца войны. В 1946 г. вернулся в Краков. В 1966 г., после внезапной смерти сына, супруги Моле переехали в США к дочери. Там Моле написал свою «автобиографию гуманитария» «Из книги воспоминаний» (1970), там в 1973 г. и закончились его земные странствия.

Что до упомянутого ранее сборника «Солнце в заточении» — своеобразного итога сибирских скитаний и творческих исканий двух десятилетий, — то здесь Верховский предстает уже не как незадачливый эпигон, но как самобытный и сложившийся автор. Его лирический герой больше не ставит своей целью низвержение собственной души до последних глубин «родимого хаоса» (Тютчев), как в «Разных стихотворениях», и отказывается от чрезмерно индивидуалистических требований к жизни, свойственной «Идиллиям и элегиям». Сборник оказывается практически полностью лишенным присущей символизму мистики и субъективизма. В нем поэт обращается к внешнему миру, жизненным и бытовым связям между людьми, при этом сохраняя, возможно, главную особенность своей лиры — поэтику обращенности. Верховский как бы вступает в диалог с культурой, обращаясь то к Державину, то к Вяземскому, то к Жуковскому и многим другим. Среди адресатов и Воеслав Моле. Примечательно, что посвященное ему стихотворение выдержано в античной форме, имитирует Алкееву строфу — строфу, берущую начало в конце VII — начале VI в. до н. э. Помимо послания к Моле, в сборнике представлены и несколько переводов его стихов. Сам Верховский не комментировал ни включения этих переводов в оригинальный сборник, ни факта своего знакомства с Моле.

Это привело к тому, что В.В. Калмыкова, автор комментариев к стихотворениям Верховского, включенным в «Струны», посчитала сонет, посвященный М.А. Кржевской, оригинальным,

а не переводным произведением³⁷. Однако автором этого сонета является Моле, опубликовавший его в сборнике «Tristia ex Siberia» без посвящения Кржевской под заглавием «Моя эпитафия».

В связи с ограниченным объемом статьи у нас нет возможности дать анализ опубликованных в «Струнах» переводов. Скажем только, что они свидетельствуют о высоком уровне переводческого мастерства Верховского и его глубоком понимании художественной структуры стихотворений Моле.

В 1924 г. Верховский перебрался в Москву, где занимался в основном преподавательской и переводческой деятельностью. Как переводчик он известен в первую очередь благодаря своим переводам Бальзака, Бокаччо и Петрарки. За дважды изданную антологию «Поэты Возрождения» ему без защиты была присуждена докторская степень *honoris causa*.

Последний прижизненный поэтический сборник «Будет так» вышел в 1943 г. В послевоенные годы хорошо знавший Верховского Б.Л. Пастернак готовил к публикации итоговый сборник поэзии Верховского, однако издание не состоялось. Ю.Н. Верховский скончался в Москве в 1956 г.

Сходство биографий обоих авторов, при явном совпадении их программных установок, тематики, жанровых и стилевых особенностей поэтики, лишь отчетливее выявляет магистральные тенденции и общие закономерности первой трети XX в. Это, в свою очередь, позволяет не только вписать те или иные художественные произведения и, шире, творчество Моле и Верховского в общий историко-литературный контекст, но и понять те факторы, которыми обусловлены характер и направление их творчества в сложной соотнесенности и взаимодействии с эпохой. Однако этому вопросу еще предстоит стать темой будущих изысканий.

---

³⁷ Верховский Ю.Н. Указ. соч. С. 836.